

Александр Саркисов

АКАМЕДИЯ

О флоте и не только...

Александр Ашотович Саркисов

Академия

Серия «О флоте и не только...»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26534206
Академия: У Никитских ворот; Москва; 2016
ISBN 978-5-00095-247-4

Аннотация

Новая книга Александра Саркисова, как и прежние его книги, посвящена военно-морскому флоту и людям, для которых флот стал смыслом их жизни. Книга написана с юмором, легко читается, замечательно иллюстрирована и, несомненно, доставит удовольствие читателю. Особенное место в книге занимает черноморский флот и Севастополь.

Содержание

Предисловие	5
Море Эритрейское	8
Инструктаж	10
Да пошли вы все!..	16
Долгие проводы, лишние слезы	23
Эс-Сувейс	30
Первое впечатление	40
Мерная линия	49
Эта странная война	59
Черно-белая любовь	65
МГК-666	74
Додик и Зина	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Саркисов

Академия

© А.А. Саркисов, 2016

© ИПО «У Никитских ворот», оформление, 2016

Предисловие

Новая книга Александра Саркисова, как и прежние его книги, посвящена военно-морскому флоту и людям, для которых флот стал смыслом их жизни.

Основу новой книги составляют две повести – «Академия» и «Море Эритрейское».

Несмотря на то, что обе повести написаны в свойственной Александру Ашотовичу ироничной манере, впечатление они оставляют разное. «Море Эритрейское» – это почти синдбадовская сага о советских гидрографах в далеком Красном море, об их нелегких буднях и нечастых, но от этого особо веселых злоключениях. Несмотря на описание всех трудностей, переживаемых героями повести, повесть оставляет ощущение чего-то светлого и доброго, ощущение уверенности в завтрашнем дне. Именно эти чувства и присутствуют у моряков, возвратившихся после дальнего похода домой. Да, им было трудно, но они с честью и достоинством прошли через все испытания и, немного отдохнув, снова готовы служить своему Отечеству.

Что касается повести «Академия», то, несмотря на то, что ее герои не стоят на уходящих из-под ног шатких палубах, а сидят и грызут гранит науки в больших и светлых аудиториях, их одолевают совсем иные чувства, чем героев «Моря Эритрейского». Пришедшие в стены академии, чтобы стать

профессионалами высочайшего уровня, офицеры неожиданно понимают, что объявленная сверху перестройка уже вынесла страну на край пропасти. И вместо размеренной и интересной службы всех их ждет страшная неизвестность. И эти переживания не могут заслонить все красоты и блага столичной жизни.

При этом, на мой взгляд, автору удалось очень тонко передать как позитивное эмоциональное состояние героев «Моря Эритрейского», так и грядущее крушение идеалов и всех жизненных устоев героев «Академии». Почему? Скорее всего, потому, что автор сам побывал и в том, и в другом качестве.

Отмечу, что до этой книги А.А. Саркисов писал исключительно небольшие рассказы-новеллы, и две его повести – это первый опыт в новом литературном жанре. Причем опыт, как мне кажется, вполне удачный.

Что касается включенных в книгу рассказов, то все они написаны в уже привычной Александру Саркисову манере.

И герои рассказа «Жертвы зачистки», находчивые курсанты-выпускники, сумевшие превратить практику в отдаленном гарнизоне во второй отпуск, и находчивый курсант Беловский, дерзко объявивший проверяющему, что он Гогенцоллерн, и его коллега Коля Давыдкин, ставший в одночасье самым знаменитым артистом Ленинграда, и заместитель командира эсминца Костя Сабуров, лихо побратавшийся с немецким капелланом на Кильской неделе, – все они узна-

ваемы для флотского читателя. Кроме этого, все герои рассказов весьма симпатичны автору, который описывает приключения и злоключения своих героев так, как описывают похождения только очень близких друзей.

В целом новая книга Александра Ашотовича Саркисова – это его новый несомненный успех, еще одна ступень наверх по лестнице обретения профессионализма. Это еще одна взятая литературная высота.

Стоит лишь пожелать автору и далее трудиться не покладая рук на ниве русской словесности, радуя нас новыми произведениями. Ну а самой книге, как говорят на флоте, попутного ветра и семи футов под килем!

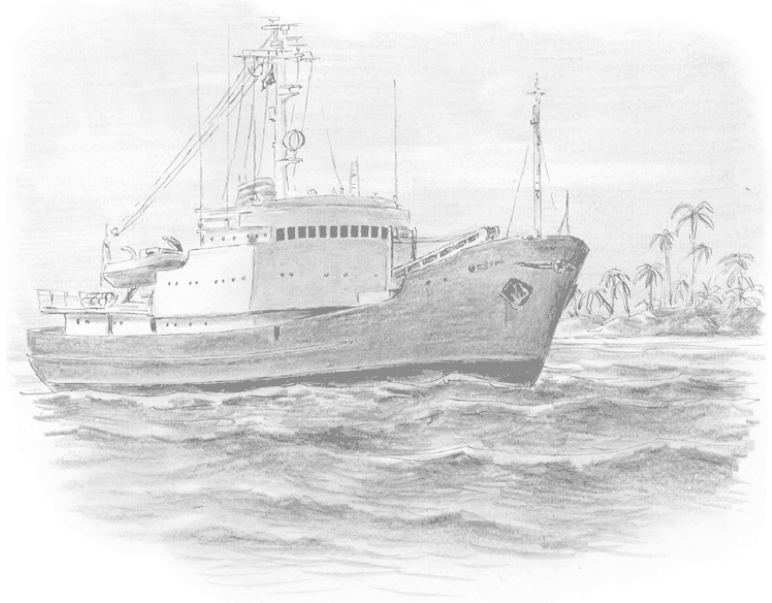
*Секретарь Союза писателей России
капитан I ранга
Владимир Шигин*

Все события и герои, описываемые в книге, вымышлены автором. Любые совпадения с реально существующими людьми абсолютно случайны.

Море Эритрейское

*Африка ужасна,
Да-да-да!
Африка опасна,
Да-да-да!
Не ходите в Африку,
Дети, никогда!*

Корней Чуковский

Инструктаж

«Инструктаж» – сколько музыки и философского содержания в этом слове, и является он началом начал – первоосновой всего сущего. Для военного моряка инструктаж так же обязателен и естественен, как прием пищи, утренняя приборка или любовь к Родине. Любое дело на флоте начинается с инструктажа, хоть плац мети, хоть медяшку драй, хоть стреляй ракетами, инструктаж и подведение итогов есть альфа и омега флотской службы.

Актный зал отдела гидрографической службы Черноморского флота был забит до отказа офицерами океанографической экспедиции и дивизиона гидрографических судов. Мероприятие готовилось серьезно, потому как дело предстояло многотрудное и долгое. В зал вошел начальник гидрографии вместе с начальником политотдела спецчастей.

– Товарищи офицеры!

С шумом, хлопая сидушками, все встали и замерли в самой безопасной для военнотружущего стойке – стойке смиренно.

– Товарищ контр-адмирал офицеры дивизиона и экспедиции для инструктажа собраны!

Адмирал обвел взглядом собравшихся.

– Товарищи офицеры.

С шумом, хлопая сидушками, все расселись.

Сначала адмирал напомнил, что одиннадцатая океанографическая экспедиция была создана распоряжением Совета Министров СССР специально для проведения комплексных гидрографических работ в Красном море. И теперь после окончания рекогносцировки мы отправляем в Эфиопию наш передовой отряд. Заканчивая, он сказал, что на картах Красного моря много белых пятен, и долг гидрографа – эти пятна заполнить.

Следом выступил начпо и коротко рассказал о непростой ситуации, которая сложилась после победы революции во главе с товарищем Менгисту, и напомнил, что долг каждого коммуниста – помочь братскому эфиопскому народу.

Лейтенант Морев сидел на предпоследнем ряду среди таких же, как и он, лейтенантов с горящими глазами, готовых сию секунду отбыть в далекую Эфиопию. Что он знал об этой стране? Знал он немного – что находится она в Африке, что прадед Пушкина был эфиоп, а еще он знал ругательство – «Эфиоп твою мать!» – и интуитивно догадывался, что такую словесную конструкцию в отношении братского народа не придумали бы.

Начальник гидрографии и начпо пожелали всем удачи и удалились. Начался инструктаж. Начальник экспедиции начал издалека, с убаюкивающей историко-географической справки.

– Красное море – знаменитое, о нем упоминается даже в Библии. Египтяне называют его Вази-Вр, что означает «зе-

ленный простор», на иврите оно звучит Ям Суф – «тростниковое море», впервые его описание составил греческий географ и историк Агатахрид Книдский. Его работа называлась «Об Эритрейском море».

Дальше шла профессиональная информация, из которой следовало, что море нужно было назвать не Красным, а Длинным или Соленым.

Прикрыв глаза, Морев слушал, как музыку, названия островов и проливов, все это напоминало ему «Тысячу и одну ночь». Его будоражили видения мужественных эфиопских воинов с щитами и копьями и прекрасных эфиопок с тюками на голове, он представлял себя Синдбадом-мореходом.

Сказку прервал инструктор политотдела, выскочивший на подиум, как черт из табакерки. Нахмутив мимические мышцы, разрубая ладонью воздух, он решительно углублял и расширял тезисы, озвученные начпо.

– Товарищи! В стране в разгаре гражданская война. На востоке Эфиопии боевики Фронта за освобождение Эритреи борются против центрального правительства полковника Менгисту Хайле Мариам, на севере идут бои с просуданскими настроенными сепаратистами, а на юге идет война с Сомали за провинцию Огаден.

Он напоминал вышедшего из боя комиссара, требующего подкрепления, ему не хватало только окровавленной повязки на голове и маузера.

– Новая власть нуждается в братской помощи советско-

го народа! Мы должны помочь эфиопским товарищам защитить завоевания революции!

Дальше шло эмоциональное описание тягот и невзгод, выпавших на долю эфиопского народа, и уверенность в том, что наша работа поможет развитию народно-хозяйственного комплекса молодой страны. Инструктор вошел в раж.

– Мы коммунисты и не можем равнодушно наблюдать за тем, как силы империализма пытаются задушить молодую республику! Каждые 60 секунд в Эфиопии кончается минута! Мы должны помочь им это остановить!

Он был настолько убедителен, что удостоился жидких аплодисментов.

Следующим выступил доктор. Видавший виды помятый майор лениво перечислял унижающие человеческое достоинство названия тамошних болезней – шистоматоз, лейшмания, желтая лихорадка, малярия, проказа, гельминты, венерические и вирусные инфекции.

1. Эритрейское море. Мекгисту Хайле Мариами, интернациональный долг.
2. Сделать прививку от желтой лихорадки.
3. Получить тропическую форму
4. Купить щипок водки?

Самыми безобидными и почти родными из докторского перечня оказались венерические заболевания.

– А еще там обитает муха цеце, которая переносит болезни, вызываемые одноклеточными паразитическими организмами трипаносомами.

После этого заявления вопрос «Какая муха тебя укусила?» воспринимался не как фразеологизм.

Еще многие начальники выступали с напутственным словом, и уже можно было сделать предварительные выводы – обстановка напряженная, народец так себе, климат говно, и чтобы не загнуться в далекой Эфиопии от болезней и стрессов, нужно иметь запасец расслабляюще-дезинфицирующего зелья.

После двухчасового инструктажа в шпаргалке у Морева было записано:

1. Эритрейское море, Менгисту Хайле Мариам, интернациональный долг.
2. Сделать прививку от желтой лихорадки.
3. Получить тропическую форму.
4. Купить ящик водки?

Знак вопроса относился не к предмету покупки, а к его количеству.

Да пошли вы все!..

Началась предпоходовая суета, больше смахивающая на шухер. Гидрографическое судно напоминало потревоженный муравейник, в центре которого восседал командир, исполняющий роль матки и управляющий всем этим на первый взгляд броуновским движением. Повторялось это каждый раз перед каждым экспедиционным походом, но даже прослужив на флоте не один десяток лет, привыкнуть к этому было нельзя. Каждый раз как в первый, новизна ощущение девственная.

Экипаж вкалывал с утра до ночи, не жалея себя, порой даже с элементами героизма, самопожертвования и мазохизма.

Ученые разделяют три основных вида мазохизма – физический мазохизм, психический мазохизм и мазохизм на сексуальной основе, напрочь упуская из поля зрения военно-морской мазохизм, существующий исключительно на флоте, использующий синергетический эффект от взаимодействия трех вышеуказанных видов и обостряющийся в период предпоходовой подготовки. Причем кайф от процесса получают все, и начальники, и подчиненные.

Штурман Леня Андреев корпел, склонившись, над картой. В третий раз переделывал он «План экспедиционного похода», начальники ловили кайф, отправляя документ на переделку, а штурман кайфовал от того, что заканчивал тре-

тый вариант плана.

Леня звезд с неба не хватал, но был аккуратен и имел красивый почерк. Печатными буквами, тушью в правом верхнем углу он написал последнюю фразу: «Утверждаю. Начальник штаба Черноморского флота». Штурман, конечно, понимал, что план этот на фиг никому не нужен и в руки его вряд ли кто возьмет, но все равно старался.

Что главное в подготовке к выходу в море? Любой моряк скажет – бумаги! Так уж повелось, что в первую голову проверяющего интересуют бумаги. Все, что положено кучей руководящих документов, должно быть записано в соответствующем журнале, и в графе «отметка о выполнении» должен стоять жирный «вып.». С лейтенантской поры вдалбливалась истина: если ты мероприятие не провел и записал, то ты ошибся, а если провел и не записал – совершил преступление.

Дверь в командирскую каюту не закрывалась. Штурмана, механики, радисты нескончаемым потоком тащили бумаги на подпись. Капитан III ранга Лукичев не глядя подписывал уставшей рукой документы. На рабочем столе собралась стопка бумаги высотой с метр. В каюту вошли замполит и старпом, один принес заявку на кинофильмы, другой журнал боевой подготовки. Командир смерил их взглядом человека, так и не познавшего христианской добродетели, и нервно дернул кончиком носа.

– Да пошли вы все!..

Он размашисто смахнул бумаги со стола на пол, хлопнул дверью и вышел на палубу. Погрузка экспедиции была в полном разгаре, узик, подвешенный на кране, как нашкодивший пацаненок за ворот, никак не хотел помещаться между плашкоутом и малым гидрографическим катером.

– Боцман! Куда ты его тулишь?! Совсем очумел?!

– Так больше некуда.

Лукичев в сердцах махнул рукой.

– Да пошли вы все!..

Он вышел на ют, по трапу матросы тащили ящики с экспедиционным оборудованием и шмотьем, забивая под жвак кормовую лабораторию. Командир обреченно наблюдал за тем, как его судно превращается в Ноев ковчег, и его это откровенно нервировало. К нему подошла камбузница Кузьминична с щеночком на руках. Кузьминична была женщина фактурная, эдакая смесь Софи Лорен с Нонной Мордюковой. Не женщина – Джомолунгма, глазей сколько хочешь, а вот влезть боязно. Личная жизнь, понятное дело, не ладилась, мужики инстинктивно ее сторонились, и всю свою нерастраченную бабью любовь Кузьминична отдавала беспородному кобельку с чудной кличкой Додик.

Вдавив щенка в грудь пятого размера, она просила командира разрешить взять его с собой в море. Обычно немногословная Кузьминична вещала, как Цицерон, правда, просьба больше походила на ультиматум, и Лукичев сдался.

– Ладно, бери, но если будет гадить, за борт выкину!

– Спасибочки, Юрий Михайлович, вы обедать будете? Я сегодня котлетки нажарила, а если хотите, я вам отбивнушку с картошечкой сварганю.

Раскаявшись в принятом в минуту слабости решении, командир сплюнул за борт.

– Да пошли вы все!..

Как всегда перед выходом в море, активизировались контрольные органы – на судно зачастил особист. Загадочный и неприступный, как гостайна, тенью он перемещался по коридорам и трапам.

– Командир, а что-то я не вижу навигатора Ивакина.

– И не увидишь, его уволили.

Ивакин как радиоэлектронавигатор был не ахти, но стукачом был добросовестным, наивно полагавшим, что его основной миссией на судне является секретное сотрудничество.

Лишившись верного бойца невидимого фронта, особист вспылал, на голубом глазу сдавая своего сексота.

– Да на каком основании?! Вы что себе позволяете?!

Знающий жизнь Лукичев понимал – большая собака не лает, она и так знает, что она большая, и к воспроизводящему децибелы особисту отнесся без пиетета.

– Да пошли вы все!..

Несмотря на то, что дата проверки судна была известна загодя, нагрянула она неожиданно, почти как зима.

Полдня проверяли бумаги, играли тревоги, опрашивали экипаж. Остановила не на шутку разошедшихся проверяющих общепримиряющая команда по трансляции – «Команде обедать!»

На сытый желудок, как известно, много не наработаешь, а коки расстарались, меню было праздничное. Проверяющие ели с добавочкой.

Соловея и лениво похлопывая ресницами, они составляли незлобивый акт проверки. Понятное дело, имел место ряд легко устранимых замечаний, но вывод внушал оптимизм – «Судно к выходу готово».

Начальник моринспекции пожал командиру руку и пожелал счастливого плавания, тот, улыбаясь, уважительно тряс руку начальника, произнося про себя: «Да пошли вы все!..» Тяжелый это период для командира, ему бы поскорей в море, там-то он гармонию и обретет, потому как в море над ко-

мандиром только Бог.

До выхода оставалось несколько дней, и за это время нужно было устранить замечания моринспекции и попрощаться с семьей. На вахту, по традиции, ставили холостяков, а женатикам исполняли впрок супружеский долг и метили территорию.

Долгие провода, лишние слезы

С утра на причале Каменной стенки собрались празднично одетые провожающие, в основном женщины с детьми. Начинались ритуальные действия проводов судна в море, сопровождающиеся коллективным меряченьем с выкриками, всхлипываниями и взмахами рук.

Странное это было действо, и не свадьба, и не похороны, скорее что-то среднее, какое-то осененное грустью торжество.

Командир мерил шагами ходовой мостик, процедура проводов затягивалась и негативно влияла на его мироощущение, что остро чувствовали подчиненные. В голове крутилась популярная песенка «Как провожают пароходы, совсем не так, как поезда...». Старпом принимал доклады о готовности к походу.

Не любил Лукичев провода, своим родным не разрешал приходить, и если б мог, запретил бы и всем остальным. Чего зря душу рвать? Известное дело – долгие провода, лишние слезы. Песенка никак не отпускала: «Как важно все, что ты сказала, все, что в ответ я прокричал...»

– Старпом, ну что там у тебя?

– Жду доклада старшего механика!

Наконец механики отрапортовали, старпом доложил командиру:

– Товарищ командир, судно к походу готово!

Лукичев вышел на крыло мостика, на причале толпа торжественно-грустных провожающих готовилась к кульминации. Мелькнула мысль: «А интересная все-таки штука это расставание, если подумать, оно всегда дает больше, чем забирает».

– Товарищ командир, получено добро от оперативного дежурного флота на выход!

– Вот и слава богу. Убрать трап! Отдать кормовые!

С юта доложили:

– Трап на борту, кормовые отданы!

Командир снял фуражку и бросил ее на пульт управления.

– Боцман вира якорь! Обе машины вперед самый малый!

Штурман сделал запись в судовом журнале: «10.03 Получено добро от ОД ЧФ, снялись с якоря и швартовых, следуем на выход из Южной бухты». Судно уверенно скользило по Южной бухте, справа госпиталь, слева Графская пристань. Из штурманской рубки показалась голова Лени Андреева.

– Товарищ командир, время поворота влево на курс 274,5 градуса!

– Лево руля, курс 274,5 градуса!

Судно медленно повалилось влево и легло на створ Инкерманских маяков. Вот теперь все, прощай, Севастополь.

На траверзе Стрелецкой бухты подошел большой гидрографический катер, который предстояло тащить на буксире до самой Эфиопии. Голосом Эдуарда Хиля звучал прощаль-

ный припев – «Вода, вода, кругом вода».

Командир обошел судно: палубы заставлены оборудованием, за кормой на буксире телепается катер. Вспомнился анекдот про чукчу – «...экспедиция называется!».

Первый день в море всегда какой-то муторный, еще свежи воспоминания о доме, все на ходу, и вещи, и люди ищут свое место, распорядок скомканный, жратва никакая, да и не особо хочется. Первый день – как первый блин, переспать все это нужно, и тогда с утра моряцкая жизнь войдет в привычную колею.

Рано утром в дымке показался турецкий берег, судно приближалось к проливу Босфор.

– Старпом, объявляй судовую тревогу.

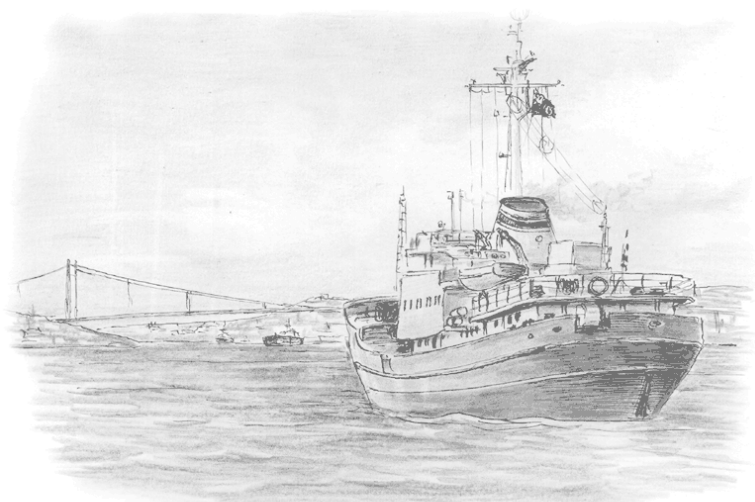
Отшумев положенное звонком, старпом объявил по трансляции:

– Судовая тревога! Судно к проходу узкости приготовить!

Проход турецких проливов – это всегда событие, хоть в первый раз, хоть в десятый, хоть в двадцатый, и каждый новый раз не бывает похож на предыдущий.

Судно втягивалось в Босфор, начиналась традиционная сутолока. Турки – народ неорганизованный, и порой трудно было определить, в каком направлении движение интенсивней – вдоль или поперек. Существует много Правил, Рекомендаций и Приказов, регламентирующих плавание в проливах, но на практике действовал неписанный закон – кто больше, тот и прав. И если на тебя прет огромный контей-

неровоз, нарушая все, что можно, то качать права в этой ситуации – безумие, и нужно, позабыв про гордость, выкрутиться из этой ситуации. То же относится и к судам, которые меньше тебя, уворачиваться от твоего форштевня – это их проблема.

Разошедшись с турецким паромом на грани фола, взвинченный Лукичев вышел на крыло. На шлюпочной палубе столпились офицеры экспедиции и вызывающе праздно щелкали фотоаппаратами.

С экспедицией у Лукичева традиционно складывались

непростые отношения, он смотрел на них как на хулиганов, залезших в его огород, и ничего хорошего от них не ждал. Раздался брачный рев марала:

– Старпом! Убрать всех лишних с палубы!!!

В районе Румели Хисары стояла растянутая на четыре якоря платформа, о которой не было никакой информации ни в извещениях, ни в предупреждениях. Течением судно сносило в аккурат на эту платформу.

– Штурман, сколько до поворота?!

Учитывая крутой нрав командира и нервную обстановку на ходовом мостике, штурман искренне полагал, что его главная задача при проходе Босфора – это не мешать командиру. Он схватил измеритель и стал колдовать над картой.

– Ми... ми... минуточку!

В моменты опасности штурман начинал заикаться.

– Что?!!!

– Се... се... секундочку!

Лишний раз убедившись в том, что время категория философская и непредсказуемая, Лукичев, не дожидаясь, когда штурман выдавит из себя что-нибудь информативное, командовал рулевому:

– Право руля, курс 198 градусов!

Два часа пролетели незаметно, слева за кормой остался Кыз Кулеси, теперь можно и расслабиться. Штурман красивым почерком записал в судовой журнал: «11.47 Прошли траверз маяка Кадыкей, вышли в Мраморное море».

Замполит, расписанный по тревоге на ходовом мостике, как и положено комиссару, находился рядом с командиром, плотно втиснувшись между командирским креслом и радиолокационной станцией. Был он глубоко немолод и убежден в том, что человек живет десять лет – семь лет до школы и три года на пенсии. Уверенно вступив в трехлетний период, зам себя берег. Пламенным борцом за дело коммунизма его нельзя было назвать даже с натяжкой. В атаку за собой он, конечно, никого бы не повел, а с культпросветработой справлялся. Учитывая специфику гидрографии, человек был на своем месте.

Дали отбой судовой тревоге, заглушили правый двигатель и на самом малом ходу шли, чтоб утром быть у входа в пролив Дарданеллы.

Командир уютно устроился в кресле и по привычке прокручивал в голове проход пролива. Достал из кармана длинный наборный мундштук, закурил и обратился к заму:

– Слушай, Николай Антоныч, достал уже меня наш штурман. Надо что-то с этим делать.

Вопрос был непростой, Андреев был членом КПСС, общественником, хорошим семьянином и вдобавок не пил. Такого просто так не уберешь, тут думать надо.

Зам неуверенно предложил:

– Может, нам его по партийной линии двинуть?

Зам был родом из Горького и нещадно окал, да так, что ему позавидовали бы даже вологодские.

- Да брось, Антоныч, он же совсем тупой!
Зам поскреб пятерней затылок.
- Ну тогда только по профсоюзной.

Эс-Сувейс

Бежит времечко, и судно бежит. Позади осталось Черное море, турецкие проливы, Эгейское и Средиземное моря. Впереди Суэцкий канал.

За ужином командир ворчал на начальника экспедиции:

– Займи ты уже чем-нибудь своих подчиненных. Ни черта не делают, только жрут и подушки давят. На проходе Суэца чтоб ни одной живой души на палубе не видел. Хоть в трюм их прячь.

– Да ладно тебе, ты же знаешь, у них вся работа впереди.

– Да хоть впереди, хоть сзади, если работы нет, дай команду своим политрабочим, пусть проводят политзанятия с политинформациями. Если не в состоянии ты, нашего зама попроси, он не откажет.

Лукичев повернулся к заму:

– Как, Николай Антоныч, поучишь молодежь?

– А чего нет? И поучим!

После ужина командир поднялся на мостик. На рейде Порт-Саида, где формируются караваны, идущие на юг, нужно было быть в 19.30, ровно за три с половиной часа до начала движения каравана. Если опоздаешь, то можно и пролететь, придется ждать следующего.

По трансляции объявили:

– Всему личному составу экспедиции собраться в столо-

вой команды на политинформацию!

Зам отнесся к поручению более чем ответственно. В столовой собралась экспедиция во главе с начальником. На первом ряду сидели старшие офицеры и матросы, сзади младшие офицеры – их было большинство.

Политинформация получилась веселая. Сначала всех забавляло бесчеловечное замовское оканье, впрямую нарушающее основные положения Всеобщей декларации прав человека, провозглашенных Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1948 года, а потом и сама информация.

– Товарищи, нам предстоит пройти Суэцким каналом, так сказать, по местам боевой славы арабо-израильской войны.

Политинформация должна быть актуальна, а потому привязана к месту.

– Евреи на границе с арабами собирают войска, делают набеги на арабские деревни, грабют, убивают, сжигают дома, насилуют женщин. А кому это, товарищи, понравится, я вас спрашиваю?

И сам себе ответил:

– Да никому!

Увидев недоумение на лицах, зам решил разъяснить:

– Поясню. Предположим, со стороны Херсонской области на Крым совершаются набеги, крымчан грабют, убивают, сжигают дома, насилуют женщин. И кому это, товарищи, понравится, я вас спрашиваю?

И снова сам ответил на вопрос:

– Да никому! А теперь несколько слов об Эфиопии...

За десять миль до подхода к порту начали вызывать Порт-Саид контроль. Было это непросто, в радиоэфире стоял гвалт, как на птичьем базаре. Еще со времен, когда Англия была владычицей морей, господствующим языком общения моряков был английский. Англия уже давно никакая не владычица, а международным языком общения моряков остался английский.

Старпом вспомнил о переводчике.

– Товарищ командир, чего я тут язык ломаю, в экспедиции есть военный переводчик, давайте вызовем, пусть тренируется.

– А чего, хоть какая-то от них польза.

На рейде Порт-Саида царила атмосфера вечного праздника. И берег, и рейд залиты огнями и восторженным гвалтом. С набережной доносились обрывки характерной арабской мелодии, сопровождаемой сольным подвыванием. Наконец отозвался Порт контроль и указал номер якорного места. Встали на якорь рядом с белоснежным «пассажиром», по палубам которого празднично прогуливалась красиво одетая публика, а из чрева по окрестностям разносилась мелодия джаза. Сигналы, получаемые мозгом от зрительного и слухового аппаратов, формировали устойчивое чувство зависти и мешали стойко переносить тяготы и лишения военной службы.

Лукичев повернулся к старпому.

– Ну что, теперь твоя работа, готовь документы на проход канала. Сейчас начнется.

– Не волнуйтесь, Юрий Михайлович, у меня все готово.

– Я и не волнуюсь. Да, печать ставь только открытую, со звездой.

– Понятное дело, первый раз, что ли?

Старпом спустился в каюту готовиться к встрече с проверяющими.

Английские мозги и деньги в сочетании с арабскими лопатами неожиданно дали превосходный результат. Понукаемые потомками гордых бриттов ленивые арабы прокопали-таки в пустыне канал длиной 192 километра 584 метра с Горьким озером посередине. На арабском языке это называется Эс-Сувейс. Отображенный на карте, он напоминает кишку, и не только внешним видом, но и функционалом – суета и толкотня на входе, серьезная работа внутри и полное расслабление на выходе.

Караваны судов идут круглосуточно с севера на юг и с юга на север, расходясь в Горьком озере. Движение по каналу одностороннее, и караван, идущий с севера, пережидает в Горьком озере, пропуская суда, идущие с юга.

Суда-труженики, как муравьи, нагруженные сверх меры, тащат свой груз по всему земному шару, от страны к стране, от порта к порту. Не отстают и военные, их дело – осуществлять присутствие в Мировом океане и гордо демонстрировать национальный флаг.

Не успел старпом разложить бумаги, как представители местных властей повалили один за другим. Полиция, администрация канала, таможенники, санитарный надзор...

Это был ритуал, получив нужные сведения, проверяющие не уходили, не выпив кофе и не поговорив за жизнь. Обслуживала это безобразие буфетчица Пигуля. Лет ей было тридцать шесть, родом она была из глухой белорусской деревни Газьба, и, как положено селянке, была она розовощека, и у нее отовсюду перло. Венчали все это великолепие белоснежный кокошник и глубокое декольте.

Проверяющие арабы на ее фоне смотрелись трипперными кузнечиками, но положения своего не осознавали и пялились на Пигулю влажными похотливыми глазами. Эта славянская дива сводила на нет весь их рабочий настрой и здорово сокращала время проверки.

Проверили все – и судовую роль, и мерительные свидетельства, и емкость балластных цистерн, и данные о запасах воды и топлива, радиостанцию и много еще чего. На борт подняли электрика с огромным прожектором и шлюпку со швартовщиками.

Караван пошел с опозданием, после полуночи на борт поднялся портовый лоцман, и судно двинулось ко входу в канал. Этот пробыл недолго, но успел покурить и выпить кофе. На входе в канал его сменил каналный лоцман, с этим предстояло идти до Исмаилии. В караване пятьдесят семь судов, идут с интервалом в десять минут, и всем нужно быть

очень внимательными, от впередсмотрящего до командира, потому как если чего случится, то спрос с командира, дело лоцмана – рекомендации.

Лоцман внимательно изучил маневренные характеристики судна, забрался в командирское кресло и поинтересовался, ходил ли командир каналом. Услышав в ответ, что ходил больше десяти раз, успокоился, попросил кофе и закурил. На мостик кофе подавала вторая буфетчица, внешне совершенно непривлекательная, чтоб не отвлекать лоцмана, тот взял кофе, поблагодарил и взгляда на ней не задержал. По кофе и сигаретам арабы были чемпионами мира.

Движение по каналу нудновато-однообразное, бровки ограждены буями, справа и слева пустыня – песок с вкраплениями остатков Шестидневной войны, то разбитый ржавый танк, то раскуроченная пушка. Непонятно с какого берега слышится полная еврейской грусти арабская мелодия.

Утром со стороны Синая взошло солнце. Вот оно, белое солнце пустыни.

Лоцман зашел в гидрографическую рубку, расстелил коврик и, как положено правоверному мусульманину, отдал должное Аллаху в виде утреннего намаза.

В Исмаилии прошла пересменка лоцманов. Сменившийся упаковал в портфель коврик и презент – традиционную в таких случаях тушенку и водку, Аллах простит.

Новый лоцман оказался бывшим военным и неплохо говорил по-русски. Через полтора часа встали на бочки в Горьком озере. Встали со второй попытки, швартовщики перепутали концы, ничего не попишешь, из араба моряк как из говна пуля. С верблюдами им сподручнее.

Простояли почти два часа, словоохотливый лоцман все это время с перерывами на кофе и перекуры вспоминал свою учебу в СССР. Собственно учебу он и не вспоминал, а вспоминал свое общение с русскими женщинами. И ведь что интересно, ни разу за два часа не повторился, стручок смор-

ценный. Рассказывал с любовью, иногда прикрывая глаза и держа паузу.

Все-таки что ни говори, а главное достояние страны – это женщины, и дело тут вовсе не в конях и горящих избах. Ох и недооцениваем мы их, ох, недооцениваем!

В полдень подошли к Порт-Суэцу, канального лоцмана сменил портовый и через двадцать минут, пожелав счастливого плавания, вместе со швартовщиками, электриком и прожектором покинул судно.

Полезная все-таки штука этот Эс-Сувейс, двенадцать с половиной часов, и судно из Средиземного моря вошло в Красное. А если б его не было? Подумать страшно, пришлось бы месяцами пилить вокруг Африки.

Суэцкий залив, залитый огнями нефтяных вышек, остался за кормой. Красное море оказалось вовсе не красным и от восхода до заката меняло цвет от лазурного и бирюзового до ультрамарина. Командир спустился в каюту отдохнуть, судно идет курсом на порт Массауа, солнце палит, на море штиль, ну, здравствуй, море Эритрейское!

Первое впечатление

На рейд порта Массауа подошли утром. Долго утрясали заход с местными военными, и это не было обычной формальностью, они могли и пальнуть. Наконец, получив уверенное добро, пошли на заход, предварительно отдав буксир с большим гидрографическим катером, далее он шел самостоятельно.

Массауа – главный порт Эфиопии и вдобавок еще военно-морская база, что с учетом идущей войны вносило элемент деструкции в работу порта. Акватория была хорошо защищена островами Массауа, Таулуд и дамбами, соединяющими острова с материком, что давало возможность маневрировать без труда.

Ошвартовались у причала недалеко от проходной порта и складов стеклотары. Встреча была помпезной, на причале выстроилась целая делегация – посольские, их ни с кем не перепутаешь, во всех странах Африки они выглядят одинаково, рядом командир базы контр-адмирал Марша с адъютантом и швартовной командой.

Отутюженный и накрахмаленный Лукичев встречал гостей у трапа. Первым на борт поднялся контр-адмирал Марша, Лукичев вытянулся в струнку, отдал честь и на чистом русском языке представился:

– Командир судна капитан III ранга Лукичев!

Марша козырнул и на чистейшем амхарском произнес:
– Командир военно-морской базы контр-адмирал Марша!

Понятное дело, друг друга они совершенно не поняли. Причем непонимание это было не языковым, а цивилизационным, на нем и строилось все дальнейшее общение с местными военными.

Марша протянул руку для приветствия. Лукичев впал в ступор, не то чтобы он был расист, но все же к неграм относился с настороженностью. В душе он им даже сочувствовал, но вот так запросто взять его за руку он готов не был.

Это было благодатное, не изгаженное политкорректностью время, когда негров называли неграми. Сказал «негр», и сразу ассоциативный ряд – рабство, лень, баскетбол, блюз, Анжела Дэвис. Чего уж тут, негр он и в Африке негр, а то придумали, понимаешь, афроамериканец – непонятно, размыто, как какая-то шпионская легенда. Только представьте, если бы пацанам во дворе давали не клички, а никнеймы? Или узбеков с таджиками в Подмосковье называли бы азиатотороссиянами? Взрыв мозга!

Адмирал стоял с протянутой рукой и широко улыбался, его зубы, обрамленные иссиня-черным овалом губ, сияли жемчугом, от такой улыбки можно было прикуривать. Пауза затягивалась. На фоне белоснежной рубашки Лукичева эфиоп смотрелся совершеннейшей головешкой.

Командир рассматривал адмирала с зависшей рукой, его наблюдения можно было уложить в роман «Пятьдесят оттен-

ков черного». И действительно, назвать его просто чернокожим было бы несправедливо. Местами цвет менялся от антрацита к эбонитовому с переходом к фиолету и почти полному осветлению на ладошках. И вот эту ладошку с черными черточками на сгибах пальцев и черной линией жизни он, командир советского гидрографического судна, почитатель Клаузевица и Канта, должен был взять в свою руку и пожать.

Эх, были бы сейчас, к примеру, в руках чемоданы, но об этом можно было только мечтать. А может, ну его на фиг? Может, ручкаться с ним и не обязательно?

Если не знаешь, как поступить, смотри устав. Лукичев судорожно вспоминал обязанности командира.

«Знать устройство корабля...» – не то.

«Проводить учения, групповые упражнения...» – опять не то.

«Хранить корабельную печать...» – чтоб она провалилась.

Вот оно – «в случаях, не предусмотренных уставами и приказами, командир поступает по своему усмотрению, соблюдая интересы и достоинство СССР».

Лукичев растерялся, интересы входили в явное противоречие с достоинством, потому как пожать эту руку было несомненно в интересах, но явно ниже его достоинства. Так уж устроена служба на флоте – как зад подтереть, распишут все до мелочей, а если что посерьезней – решай, командир, сам, но сам за это и ответишь.

Командир резко выдохнул, как будто собирался дорбызнуть стакан шила, и пожал протянутую руку. Обстановка разрядилась.

Лукичев проводил эфиопа и посольских в свою каюту, по пути отдав распоряжение:

– Старпом, начинай выгрузку, не забудь инструктаж по технике безопасности с экспедицией.

В каюте ожидал накрытый стол с запотевшей бутылкой «Столичной» и разными деликатесами, приобретенными в валютном магазине на представительские.

Началось застолье, посольские сыпали тостами и пили не по-детски, видимо, их этому специально обучали. Командир кайфа от происходящего не получал, ему было жаль тратить представительские на местного начальника. Был он какой-то ненастоящий, что ли, ну какой из эфиопа адмирал?

Марша от посольских не отставал – пил и потел, неприятное это было зрелище – потный негр, большую антипатию у Лукичева мог вызвать только какающий ежик.

Посиделки закончились одновременно с выгрузкой, адмирала с почетом проводили, а посольским, как водится, завернули с собой черного хлеба и селедки, именно так проявлялась у них тоска по Родине.

Лукичев сошел на берег, после долгого общения с чужеродными телами чувствовал он себя разбитым и больше походил не на бравого командира, а на неубранную койку. Рядом сухогруз под либерийским флагом набивал трюма кофе и арахисом. Командир обернулся: экспедиция съехала, палубы опустели, и судно приобрело привычные очертания. Натруженной веной пульсировал шланг – механики принимали воду. Это первая забота на заходе в порт, Лукичев уважительно называл это «принять свежий вассер».

Проходную порта охраняли вооруженные до зубов кубинцы, советских они не досматривали, а местные боялись их до жути. Командир вышел в город: на улице мусор, освещение никакое, тело обволакивал липкий зной, как-то все разом сложилось, и первое впечатление было испорчено. На пло-

щади возвышался памятник свергнутому императору, стыдливо прикрытый рогожей, и это как нельзя точно передавало состояние эфиопского общества. Лукичев присмотрелся: на коне восседал Пушкин, точнее, если б он дожил до старости, то выглядел бы именно так.

Кто скрывался под рогожей?

Под рогожей были двое – конь и последний император Эфиопии Хайле Селассие I.

Про коня ничего интересного не скажешь, конь он и есть конь – четыре ноги, два яйца, два уха и хвост. Такой же конь есть и в Питере под Петром I, и в Москве под Юрием Долгоруким, и в Киеве под Богданом Хмельницким.

А вот Хайле Селассие I персонаж более чем интересный. Свой род он вел от царя Соломона и царицы Савской, его имя означало «Сила Святой Троицы», был он негусом (царем царей) Эфиопии, Львом Иудеи, богом растаманов – живым воплощением Джа на Земле.

Его полный титул звучал как «Царь Царей, Властитель Господ, Лев Иудейский, Избранный Богом и Светом Мира». Он правил Эфиопией с 1930 по 1974 год.

Под его руководством эфиопы разбили итальянских захватчиков, при нем государство успешно боролось с главной бедой Абиссинии – голодом. Он строил школы, больницы, дороги, развивал экономику. Он истово веровал в Христа Спасителя, при нем Эфиопская православная церковь достигла

наибольшего расцвета и влияния.

В 1974 году его свергли революционно настроенные военные, через год его не стало.

Кто рогожку накинул?

Менгисту Хайле Мариам родился в 1937 году в семье военнослужащего и прислуги, его детство прошло в Аддис-Абебе. С образованием были проблемы – он окончил лишь начальную школу, но благодаря протекции в 1959 году поступил в военную академию Холлета, которую окончил в звании второго лейтенанта. Служил Менгисту квартирмейстром в императорском дворце.

Во время военного переворота он стал членом Временного военного административного совета. Некоторые историки считают, что именно Менгисту организовал убийство императора, на его руке частенько видели императорское кольцо Соломона. Все же дикий народ эти абиссинцы!

Под лозунгом «Смерть контрреволюционерам!» начался красный террор. Людей уничтожали тысячами, полковник Менгисту получил прозвище «Эфиопский мясник».

Позже он начал планомерно уничтожать соратников по революции, за что его прозвали «Черный Сталин».

Закончилось все плачевно и для Эфиопии, и для Менгисту, в 1991 году он бежал в Зимбабве. Верховный суд Эфиопии заочно приговорил его к смертной казни через повешение.

В истории можно оставить след, а можно наследить, но жизнь устроена так, что вспоминать будут и тех и других.

Лукичев вернулся на судно, впереди были долгие месяцы тяжелой работы.

Мерная линия

*Вовремя исправленное ошибкой не считается.
Военно-морская мудрость*

Сразу после завтрака преисполненный значимости шифровальщик мичман Дроцюк заговорчески постучал в дверь командирской каюты, всем своим видом давая понять, что он знает то, чего другие не узнают никогда.

– Разрешите, товарищ командир?

– Заходи. Что там у тебя?

Мичман раскрыл журнал шифрограмм на нужной странице и с почтением, в полупоклоне положил перед командиром.

– Вот, срочная.

Лукичев несколько раз внимательно прочел текст. Годы службы на флоте научили его ничему не удивляться. Он расписался в журнале и отпустил Дроцюка.

Казенным языком ему предписывалось для обеспечения деятельности МВТ-23 в двухдневный срок установить мерную линию на острове Нокра. Подписавший это начальник штаба оперативной эскадры обещал, что все силы и средства пункта материально-технического обеспечения на острове будут Лукичеву в этом способствовать.

Видимо, эти парни слабо себе представляли, как устрое-

на мерная линия. Ох и прав же был начальник гидрографии Черноморского флота, утверждавший, что разница между гидрографом и штурманом такая же, как между хлебопеком и хлебоедом.

Выходило, что, с одной стороны, дело на контроле начальника штаба оперативной эскадры, а с другой – за такой срок мерную милю ни в жизнь не поставит. А главное, что за срочность такая?!

Первым делом прервали промер и взяли курс на остров Нокра. Командир вызвал к себе зама и старпома и довел до них содержание приказа с пометкой «срочно».

Лукичев посмотрел на Морева.

– Ну, что скажешь?

– А что тут скажешь? Топографы нужны, без них никак. У нас на борту промерная группа, три гидролога и метеоролог. Лично я теодолит в руках только в училище держал.

Командир лучше него понимал пикантность ситуации и советовался больше для проформы.

– А ты, Николай Антоныч?

Мудрый зам, привычно окая, выдал вслух то, о чем остальные думали:

– Как они приказали, так мы им и исполним. В этом деле, братцы, главное своевременный доклад. Поясню: если доклада ждут, а его нет, кому это понравится? Да никому!

Командир подвел черту:

– Ладно, на месте разберемся. К Нокре подойдем вече-

ром, так что на работы у нас один световой день – завтра.

К острову Нокра подошли в сумерки. Это был второй по величине остров архипелага Дахлак. Гиблое место, в переводе с арабского «Dah'ala» означает «Ворота ада», кругом отмели, рифы и банки. Не зря итальянцы держали здесь тюрьму – не сбежишь.

Два крупных острова, Дахлак и Нокра, были обитаемы и окружены россыпью более чем сотни небольших необитаемых островов, которые традиционно осваивали браконьеры и контрабандисты.

На внешнем рейде встречали катера эфиопских военно-морских сил в полной боевой готовности, как-никак – зона боевых действий. Заход в бухту Губейт-Мус Нефит был непростой – узкий извилистый проход, течение, и в самом интересном месте, где фарватер поворачивает почти на девяносто градусов влево, из воды торчала скала метров пять высотой и метра два в диаметре. Это фаллическое образование имело загадочное название Рас-Медат. Никто не знал, кем был этот Медат и почему он Рас, но морякам жизнь портил сильно.

Показались береговые постройки, из-за бруствера, сложенного из местного камня-дикаря, воинственно торчали счетверенные стволы «Шилки». Территория охранялась морской пехотой Тихоокеанского флота.

База существовала в рамках Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Эфиопией 1978 года, и, несмотря

на все трудности, пункт материально-технического обеспечения функционировал и задачи свои выполнял.

Судно вошло в акваторию внутреннего рейда. Первым стоял, как фрагмент Великой Китайской стены, растянутый на четыре мертвых якоря плавучий бок ПД-66, за ним у причала – большой десантный корабль, на котором размещались морпехи. Дальше два буксира и злосчастное водоналивное судно МВТ-23. Последним стояло судно-склад СХ-16, сделанное из железобетона, оно напоминало надгробие братской могилы.

Лукичев ошвартовал судно у пирса № 2, рядом с плавмастерской ПМ-52. Поставили трап, первым по нему промчался Додик, не замечая начальство, он выскочил на пирс и, акробатично задрав лапу, мощной струей оросил кнехт. На борт поднялась делегация во главе с командиром базы.

Правила морского гостеприимства разговора насухую не предполагали, и в каюте командира быстро накрыли поляну.

Оказалось, что командир базы тоже получил от начальника штаба указание о мерной линии и удручен был не меньше Лукичева. Все понимали последствия, работа закипела.

С трудом нашли инструкцию по навигационному оборудованию какого-то затертого года, на плавмастерскую передали чертежи створных знаков, штурман притащил треногу и пыльную деревянную коробку с теодолитом и триггером.

МВТ-23 имело севастопольскую приписку, и Лукичев был знаком с капитаном.

– Слушай, Петр Лукич, на хрена тебе мерная линия?

Старый седой капитан и так чувствовал себя неловко, видел, какая катавасия закрутилась.

– Мне она и даром не нужна. Просто у меня лаг ремонтировали, и флагманский штурман доложил по команде, что, пока не пройду мерную линию, меня в море выпускать нельзя. А без меня кто им воду и продукты доставлять будет? Вот они и оживились, там же целый штаб, одних флагманских штурманов три штуки, ети их мать!

– Ладно, Лукич, не переживай, завтра что-нибудь сварганим.

Рано утром с плавмастерской на баркас сгружали створные знаки – усеченные белые пирамиды с черной полосой посередине, с еще не высохшей краской. Лукичев вызвал Морева.

– Ты говорил, что теодолит в руках держал, вот ты старшим и пойдешь. Возьми с собой кого посчитаешь нужным и не забудь сухой паек на день. Я связался с нашими в Массауа, они передали координаты старого итальянского знака для привязки. Ну давай, с богом! Да, и воды возьмите побольше!

Выбор был невелик, Морев взял с собой радиооператора с переносной радиостанцией и трех гидрологов – Колю Хабибулина, Юру Мукало и Витю Константиновского. Это были опытные экспедиционщики, асы-гидрологи, может, чем и помогут. Узнав, зачем они нужны, старый хрен Хабибулин с комсомольским задором и уверенностью гадалки заверил:

– Щас рекогносцировочку на месте проведем и определим места для закрепления вершин. Привязка есть, все будет окей. Я много раз видел, как топографы ход тянут.

У Морева отлегло.

– Все в рабочий катер! Боцман, майнай!

Минут через двадцать высадились у заранее намеченного участка побережья. Матросы с плавмастерской выгружали из баркаса на берег створные знаки.

Выбрали нужное место, установили треногу и закрепили триггер с теодолитом. Хабибулин, энергично управляясь с прибором, направил его на старый полуразрушенный знак, установленный еще итальянской колониальной администрацией. Он прильнул к окуляру, отодвинулся, недоверчиво осмотрел прибор и еще раз глянул в окуляр. Юра Мукало заметил его замешательство.

– Ну что там у тебя?

– Не пойму, наверное, собрали что-то не так. Изображение вверх ногами.

К теодолиту подошел Витя Константиновский.

– Точно вверх ногами, ничего тебе, Хабибулин, доверять нельзя!

Наблюдавшего за ними Морева прошиб холодный пот. Он точно помнил, что изображение в теодолите должно быть перевернутым, а отсюда напрашивался простой и жесткий вывод – гидрологи видят теодолит вблизи впервые в жизни. Морев окликнул радиооператора:

– Соедини с командиром.

– Готово, на связи!

Морев взял микрофон.

– Первый, я второй, у нас проблемы. Классическим способом мерную линию не поставим. Как поняли, прием?

Командир понял все и сразу. Секунд десять из динамиков раздавалось потрескивание, Лукичев думал.

Молчание прервалось, голос из преисподней, обильно одобренный помехами, вопрошал:

– Второй, я первый, какие будут предложения? Прием.

В экстремальной ситуации, когда приходит понимание, что наказание становится неотвратимо, как старость, мозг включает скрытые резервы.

– Первый, первый, я второй, мы установим передние знаки, вы выйдете на внешний рейд и будете ходить вдоль мерной линии, а мы задними знаками подгоним длину под скорость судна. Прием.

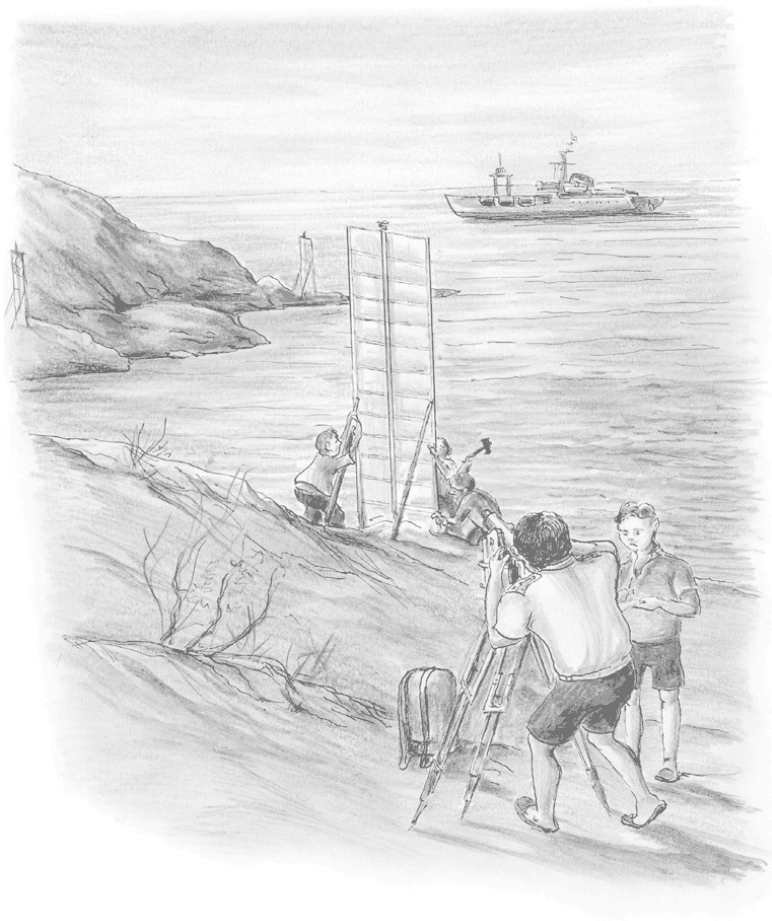
Уже через час судно весело бегало вдоль побережья, а измотанные матросы с плавмастерской под руководством Морева перемещали задние створные знаки. К вечеру управились.

По возвращении на базу первым делом довели ситуацию до капитана МВТ-23. Тот отнесся с пониманием. С этого момента начинал действовать основной принцип сицилийской мафии – омерта, по-нашему круговая порука.

Краснея и нервничая, Лукичев отправил на эскадру доне-

сение о том, что приказ выполнен и мерная линия готова к эксплуатации. Зам, как мог, его успокаивал.

– Чего так убиваться-то, как смогли, так и выполнили. Главное, уложились в срок.

Рано утром МВТ-23 вышел из бухты Губейт-Мус-Нефит,

для отвода глаз пару раз пробежал вдоль мерной линии и убыл пополнять запасы воды и продовольствия.

Ближе к обеду сияющий мичман Дроцюк принес шифрограмму, в которой начальник штаба эскадры объявлял командиру благодарность и отмечал высокий профессионализм и выучку.

Лукичев связался с начальником экспедиции в Массауа и, как мог, эзоповым языком довел до него обстановку и настойчиво просил срочно прислать топографов исправить навороченное. Начальник проникся и заверил, что через трое суток группа будет на Нокре.

Тут же передали навигационное предупреждение о том, что мерная линия острова Нокра закрыта на профилактику на трое суток.

Напряжение спало, поблагодарив командира базы за помощь, Лукичев сыграл тревогу и вышел в море продолжать промерные работы.

Через трое суток группа топографов сделала свою работу и передала командиру базы красочно оформленный формуляр мерной линии.

Эта странная война

Вот уже минут десять Морев с интересом наблюдал, как большая зеленая эфиопская муха с тупым упрямством бьется головой о стекло иллюминатора. Соседний иллюминатор был открыт настежь, и ничто не мешало ей спокойно вылететь на волю, но она продолжала методично набивать мозоль на голове. Невольно напрашивалась аналогия со службой.

Морев вышел на шлюпочную палубу, подходил к концу второй день скучной стоянки в порту Асэб. Рядом неуклюже швартовался эфиопский десантный корабль. На причал въехали военные грузовики, и с десантного корабля начали выгружать погибших и раненых. Такие моменты напоминали о том, что в стране идет война. По трапу на причал выносили убитых и выводили раненых, бинты на их черных телах казались неестественно белыми. Сильного чувства сопереживания Морев не испытывал, чужие они были, не наши. Ну то есть совсем не наши. Это как по кладбищу ходишь среди незнакомых могил, и, кроме любопытства, никаких чувств.

Странная это была война, шла она уже шесть лет, шла вяло и явных победителей не выявляла. А главное, конца ей не было видно.

Правительственные войска бились с Фронтом освобождения Эритреи, и в случае поражения Эфиопия могла потерять выход к морю. Это была гражданская война, и выражение

«брат пошел на брата» имело множество примеров. Командир военно-морской базы Массауа и начальник контрразведки сепаратистов были родными братьями.

Военные советники постоянно отбивались от неудобных вопросов эфиопских офицеров: «Почему сепаратисты из Эритреи воюют тем же оружием, что и эфиопская армия?» И как им было объяснить, что при императоре Хайле Селассие I Советский Союз поддерживал справедливую борьбу эритрейского народа за независимость, а после прихода к власти полковника Менгисту сделал ставку на него, а эритрейцев объявил врагами и сепаратистами?

В Эфиопии трудилось немало наших военных советников вместе с кубинскими и даже израильскими, которые готовили эфиопский спецназ.

Дел у советников было много, они должны были обучить эфиопов всем военным премудростям – от планирования и ведения боя до военного делопроизводства, и ни одна мало-мальски значимая операция не проходила без участия наших спецов.

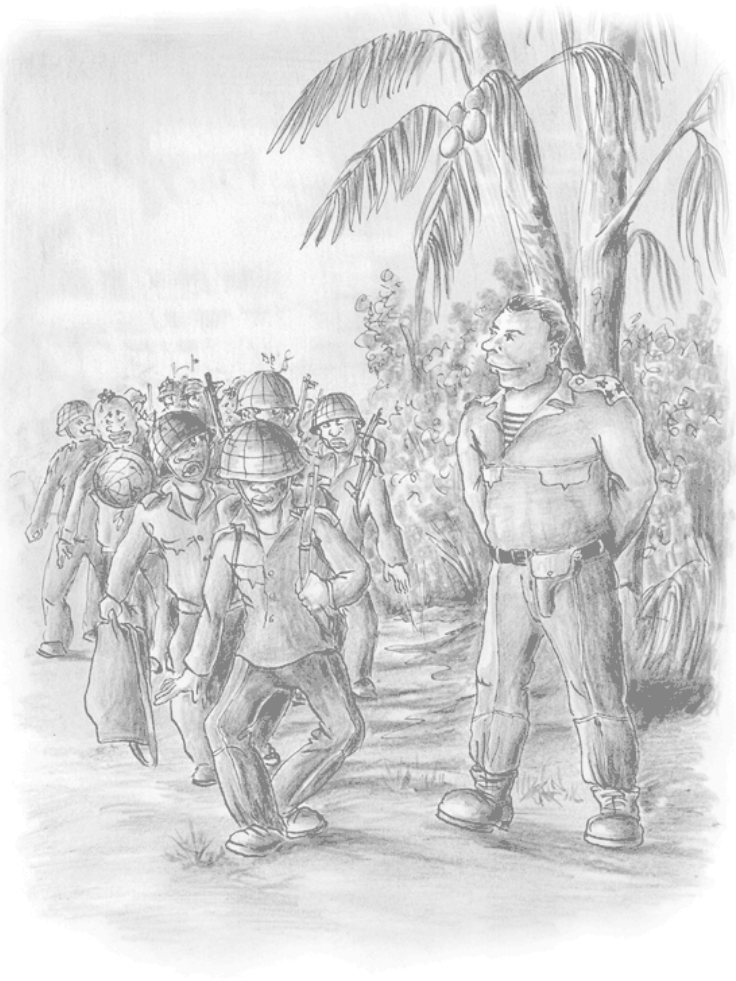
Вечером командир пригласил на судно недавно прибывшего из Союза советника командира дивизии полковника Бороду. Так уж повелось, что офицеры флота относились к своим сухопутным коллегам с некоторым снисхождением, ведь взяли же откуда-то расхожие выражения «морской волк» и «береговая крыса». Борода стереотипы ломал.

Высокий мужик, по-скульптурному монументальный, со

стальным взглядом – это был человек-скала. Одним своим видом он внушал уважение. К таким, как он, даже смерть приходит с их разрешения.

Детдомовец, окончивший Суворовское училище, жизнь вне армии не представлял. Успевший повоевать везде, где только возможно, он прибыл в очередную горячую точку.

За столом Бороду в основном донимали расспросами про Афган, большая была тема. Полковник делился воспоминаниями без прикрас и удовольствия.

– За речкой, на..., я ДШБ командовал, духи, на..., уважали. Знаете, что такое ДШБ, на...?

Расшифровать аббревиатуру присутствующие, конечно, могли – десантно-штурмовой батальон, но не более. Борода много чего рассказал про ту войну, про подвиги, но ему никто не завидовал. Это была его война. Борода плавно перешел к Эфиопии.

– Ничего, на..., и здесь порядок наведем! Правда, на..., дохлые они какие-то, повозиться придется, на...

Крепко выпив, полковник забожился, что спуску эфиопцам не даст и войну скоро и победоносно закончит.

Оказался Борода человеком слова и на следующий день ни свет ни заря поднял дивизию по тревоге. После осмотра техники и оружия полковник отправил личный состав в абиссинскую пустыню на марш-бросок с полной выкладкой и командой «Газы!».

К обеду нестройные ряды истерзанного жарой и физически измотанного личного эфиопского состава доплелись до расположения части. Вернулись не все, злые языки нашептывали, что потери превысили боевые.

Как и положено заботливому отцу-командиру, после приема пищи Борода организовал досуг личного состава. Что тут скажешь – суворовская школа.

Венцом подвижных игр стала эстафета по прыжкам в мешках. Проходила она под песню Лебедева-Кумача «Закаляйся», которую полковник лично исполнял на расстроен-

ном в хлам аккордеоне. На эфиопов без слез смотреть было невозможно, видимо, это состязание напомнило им самые горькие годы рабства.

Берег – это хорошо, но работа у моряка в море. Судно вышло из порта закрывать белые пятна Красного моря.

С полковником встреч больше не было, но слухи доходили, что пошел Борода резко в гору.

Черно-белая любовь

Рано утром большой гидрографический катер с «Кайрой» на буксире вошел в порт Массауа, их встречал заместитель начальника экспедиции по материально-техническому обеспечению.

Натерпелись мужики, и техника натерпелась. Тяжелее было только береговикам, разбросанным по островам, обеспечивавшим координацию промера и развивавшим геодезическую сеть.

Месяц работали в районе острова Ховеит, а теперь неделя в Массауа – почитай, курорт.

Семь дней на планово-предупредительный ремонт, сдачу материалов и отдых – получить почту, отмыться, отоспаться на чистых простынях да в баре «Мадам Меллоти» погулять.

На флоте существовали разные виды ремонтов – аварийный, капитальный, навигационный, текущий, а еще планово-предупредительный осмотр и планово-предупредительный ремонт, который, как и водится на флоте, существовал в виде певучей аббревиатуры ППО и ППР.

ППО и ППР для моряка – это как для священнослужителя «спаси и сохрани», произносится так же часто, и смысл сокрыт глубочайший. Это настолько важное мероприятие, что даже нашло отражение в корабельном уставе Военно-морского флота. ППО и ППР – это вам не просто так, это ком-

плекс организационно-технических мероприятий, которые имеют план, ответственных и исполнителей.

Вот для проведения такого серьезнейшего мероприятия и прибыли катера.

Первым делом выгрузили два здоровых ящика, закрытые на скобы-зажимы. На одном была надпись «Нач. экспедиции», на другом – «Нач. ПО». Наивный человек мог подумать, что в ящиках находятся тела вышеупомянутых начальников, геройски сгинувших на чужбине при исполнении интернационального долга, но матерый снабженец точно знал – в ящиках ракушки, кораллы и прочие дары моря, и грузил их в уазик с особой осторожностью.

Непросто было гидрографам с добром расставаться, зато теперь была уверенность, что материалы промера примут без замечаний.

Расположились в гостинице «Красное море», где базировался штаб экспедиции. Первым делом получили почту, после троекратного прочтения писем дружно отмокали под душем.

Когда после месяца антисанитарии ты помыт, побрит, подстрижен, да еще сбрызнут одеколончиком, в четырех стенах гостиницы становится тесно.

После сдачи материалов промера на камеральную обработку группа из трех молодых офицеров решительно направилась в бар «Мадам Меллоти».

В течение месяца они испытывали целый ряд трудностей,

связанных с бытом, работой и погодными условиями, на которые реагировали с пониманием и как-то с ними справлялись. Но была одна проблема, в отрыве от берега неразрешимая, – это отсутствие женщин. Правда, одна особь женского пола у них была – кошка Нюрка, но она проблему не решала.

Жизнь без девочек была грустна, как стихи Есенина. Даже Господь, видя безутешность Адама, стершего ладошки в кровь, сотворил ему Еву.

Обо всем заботилось начальство, а о половом минимуме нет. Во-первых, в СССР секса не было, а во-вторых, это шло вразрез с положениями Морального кодекса строителя коммунизма. Так моряк всю жизнь и маялся, разрываясь между любовью к морю и любовью к женщине.

Пехоте было проще, вернулся с маршброска, скинул портянки – и к Машке под бочок. А в море где ее возьмешь, Машку эту?

В баре первым делом заказали пиво. В знойной Африке холодное пиво – это как валидол для сердечника, освежает и повышает тонус. Не затягивая, заказали бутылочку джина, на этикетке которой красовался вепрь с веточкой можжевела на клыках. Закуска была по-африкански простой и скудной, какие-то орешки и сухофрукты, что, несомненно, ускорило созревание клиентов.

В тот момент, когда они уже заговорили о службе, к ним с грациозностью черной пантеры подседа эфиопка явно призывного возраста, но не в том смысле, что в армию пора, а с

ударением на второй слог.

Честно говоря, определить возраст негритянки так же сложно, как и возраст китайки. С уверенностью можно назвать только периоды до двадцати и после пятидесяти лет.

Абиссинка была настолько по-туземному привлекательна, что хочешь не хочешь, а захочешь!

Мозг у всех троих заработал, пьяные-пьяные, а извилинки похотливо зашевелились. Пробудились нейроны, которые начали передавать электрические импульсы в область междуножья, где они и генерировались, многократно усиливаясь.

Это между начальником и подчиненным команды проходят простым орально-слуховым путем, а в человеческом организме все куда как сложнее.

В момент, когда в междуножье накапливалась критическая масса, это самое междуножье обратной командой отключало мозг. Это как на корабле – «Принимаю командование на себя!» С этой минуты их действиями руководил не мозг, а главный первичный половой признак.

Их уже ничто не могло остановить – ни то, что они ее совершенно не понимали, ни липкий смрад ее парфюма, ни даже ее сходство с Анжелой Дэвис. Более того, их совершенно не интересовала ее партийная принадлежность, отношение

к революции и степень поддержки товарища Менгисту, что было немаловажно в воюющей стране. Она интересовала их исключительно как набор отверстий.

Суетясь, наступая друг другу на пятки, они семенили вслед за сексуальной шоколадкой в апартаменты. Грех созревал, как яблоко в саду Эдема, – красные шторы, красное покрывало, красная лампа под потолком и доступная черная женщина.

Жрица любви оказалась настоящей профессионалкой-многостаночницей и с дикой африканской страстью помимела всю троицу, ощутимо облегчив их кошельки и тестикулы.

Утро выдалось тяжелым, похмелье лечили холодным, густо заваренным каркадэ. Допив трехлитровый бутыль с жидким напитком, они привели себя в порядок и спустились на завтрак. Для молодых людей самое главное в сексе – это рассказать о нем товарищам. Что они за завтраком и сделали. Передаваемый из уст в уста рассказ о половых достижениях трех богатырей обрастал все новыми подробностями. Во время обеда они уже ловили на себе взгляды зависти и восхищения.

Время шло, ППР заканчивался, и они уже готовились через пару дней уйти в море, как вдруг, а это всегда бывает вдруг, они почувствовали симптомы нехорошей болезни.

Доктора искали недолго. Он целыми днями пропадал на свалке за городской бойней, где собирал огромные рога

буйволов, из которых делал сувениры. Майор медицинской службы Липучко готовился к выходу на пенсию и командировку в Эфиопию рассматривал как поощрительный приз за безупречную службу на флоте, как возможность заработать на безбедную старость и служебными делами старался себя не обременять.

– Товарищ майор, нам бы это.

– Что это?

– Ну это, провериться нужно, а то скоро в море и вообще.

– Что, всех троих?!

Молодежь дружно закивала головами.

– Ну вы даете, етить-косить!

В санчасти доктор отработанным движением взял мазки и сел у микроскопа. Прелюбодеи, переминаясь, ждали приговора, в душе надеясь на чудо.

Липучко повернулся, радостно потирая руки.

– Ну что ж, етить-косить, трипперок – он и в Африке трипперок.

Надежда на чудо рухнула, троица в полуобморочном состоянии готова была молиться на доктора.

– Да не тряситесь вы так! Я вас, етить-косить, быстро на ноги поставлю.

И, не затягивая в долгий ящик, вкатил каждому в зад добрую порцию бицилина.

Экспедиция работала как часы – плавсредства бороздили, эхолоты стрекотали, снабженцы подворовывали, а стука-

чи стучали. Естественно, такой яркий эпизод не мог пройти мимо особиста. Донос – любимый советский литературный жанр, синтез слова и дела государева.

Припертые к стенке неопровержимостью доказательств, греховодники-неудачники во всем сознались. Далее события развивались стремительно, уже вечером состоялся разбор полетов у начальника экспедиции. Кроме начальника присутствовали начальник политотдела, особист и доктор. Трое лейтенантов стояли по стойке смирно.

Начальник экспедиции на всякий случай решил уточнить детали.

– Майор Липучко, а у них точно триппер?

– Куда уж точней, етить-косить.

Начальник тяжело вздохнул, жалко ему было молодежь.

– Да, триппер – это вам не фунт изюма.

Все согласно закивали. Тут ведь какое дело, если бы они просто на бабе попались – это, конечно, нехорошо и даже наказуемо, но не более. С триппером дело обстояло гораздо сложнее.

К болезням на флоте относились по-разному, к примеру, против желтой лихорадки или желтухи командование ничего не имело, и заболевших даже жалели, чего нельзя сказать о триппере и других родственных болезнях. А уж триппер за границей – это уже того, это уже граничит с изменой Родине.

Доктор дал запоздалый совет:

– Хоть бы презервативами пользовались, что ли, етить-

косить.

Начпо жалости к провинившимся не ведал и поставил жирную точку:

– Нравственность, товарищи, надежнее презервативов!

Особист чувствовал себя героем, не зря свой хлеб жевал, теперь можно ждать поощрения от начальства. Начальнику экспедиции все это радости не доставляло, хорошие ведь ребята, а теперь на карьере жирный крест.

– Вот тебе и черно-белая любовь, дружба народов, мать ее.

Участь их была незавидна, с учетом дерзости произошедшего, социальной опасности и отягчающих обстоятельств было принято решение вернуть их в Союз первым же самолетом.

Теперь они ловили на себе взгляды, полные сочувствия.

Ничего хорошего их дома не ждало, но, с другой стороны, не расстреляют же, а кто еще сможет похвастать эфиопским триппером? Будет что внукам рассказать!

МГК-666

Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть.

Откровения св. Иоанна Богослова 13:18

«Кайра» была обречена, причем обречена еще на стапеле. Обречена в тот самый момент, когда какой-то чудодей, не читавший Библию, не знавший, кто такой Иоанн Богослов, и не слышавший о числе дьявола, набил трафаретом на борту «Кайры» – МГК-666.

Большой гидрографический катер БГК-889 в паре с малым гидрографическим катером МГК-666 работал в прибрежной зоне архипелага. Это была не работа, а мучение, с МГК-666 все время что-нибудь случалось – выходило из строя оборудование, колдыбасил двигатель.

Экипаж воспринимал это как судьбу, от которой, как известно, не уйдешь, и по поводу происходящего не сильно переживал, особенно после того как катер пару раз выбрасывало на берег.

Руководивший промером на БГК Петрович все время ожидал от МГК неприятностей, он был в состоянии приговоренного к казни – знал, что она неизбежна, но не знал, когда произойдет. Честно говоря, в случае с Петровичем тоже присутствовала мистика. Звали его Валера, и отчество он

имел Михайлович, а почему его называли Петрович, загадка.

Рано утром, как обычно, начали работать. В 6.30 МГК подошел к берегу и высадил группу теодолитного поста. В 6.50 определили поправку магнитного компаса и взяли курс в район промерных работ. Примерно через час приступили к промеру. Командир МГК-666 Скакун сделал запись в журнале: «7.43 Начали промерные работы. Курс и скорость катеру задает инженер Тараканов».

В документах званий не указывали, всех записывали инженерами, техниками или просто специалистами. Доложили на БГК, что приступили к работе, старший лейтенант Петрович потихоньку перекрестился, начали – уже хорошо.

Лейтенант Ильдар Тараканов стоял на прокладке и отдавал команды на руль, удерживая катер на промерном галсе. На катер он попал случайно, на подмену, и был уверен, что один раз ничего страшного, пронесет.

Благодать длилась недолго, при заходе на очередной галс отработали реверс, двигатель шумнул и остановился, катер потерял ход. Из машинного отделения выглянул моторист и безо всяких эмоций, как само собой разумеющееся, доложил:

– Трубу водомета разорвало, машинное отделение затапливает.

Скакун повернулся к мотористу.

– Сильно топит?

– Нормально.

– Аварийная тревога!!!

Сколько учебных тревог ни играй, а к фактическому происшествию все равно готов не будешь. По крайней мере, морально.

Тараканов оторвался от прокладки.

– Что случилось?

Скакун доставал из рундука красные ракеты.

– Что случилось, что случилось! А что всегда случается, дали бы катеру нормальный номер, к примеру, 777, как у портвейна, и горя б не знали.

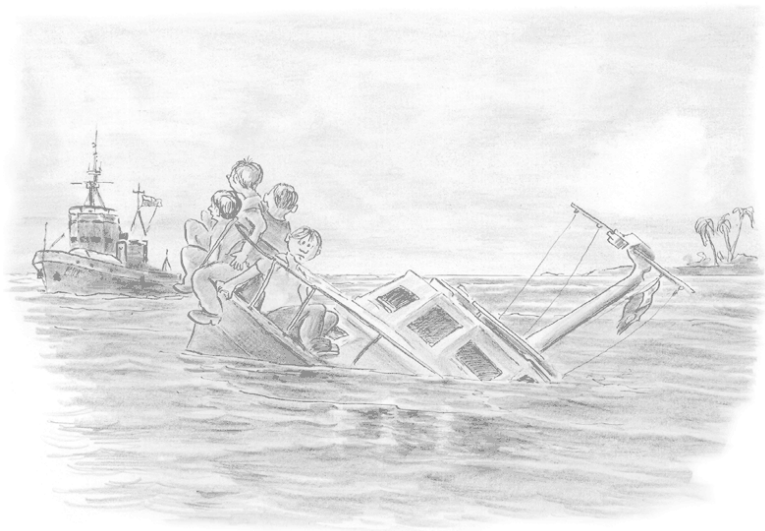
Он выстрелил три красные ракеты и связался по рации с теодолитным постом и БГК-889. Выслушав доклад, Петрович дал команду идти на помощь и облегченно выдохнул – все, сегодня больше ничего не случится.

Недооценил он возможностей МГК-666. Несмотря на развернувшуюся борьбу за живучесть, катер утонул. Плотно сел кормой на грунт, сволочь, из воды торчал только нос.

Вскоре на полных парах подошел БГК, перед Петровичем во всей красе открылась картина Репина «Приплыли». На торчащем из воды пяточке, как перепуганные птички, сидели четыре гидрографа.

Доложив в Массауа о случившемся, Петрович организовал эвакуацию людей, документов и аппаратуры. Сделать это было непросто, Красное море кишело опасными обитателями. Если в Черном море самая большая неприятность – это писающий рядом с тобой в море отдыхающий из Житоми-

ра, то в Красном выбор был богат – от кровожадных акул до смертельно жалящих моллюсков.

Как раз в это время у родственника медузы – португальского кораблика, он же физалия, шел брачный период, и эти существа во множестве собирались у побережья. Удивительно красивое творение природы, но боже упаси любоваться им вблизи. Над поверхностью воды гребешок величиной с ладошку, напоминающий парус, серебрится и переливается голубым, фиолетовым и пурпурным цветом, а на глубину уходят щупальца-нитки длиной больше десяти метров. Жа-

лил португальский кораблик страшно, и это знали все.

Добровольно лезть в воду никто не хотел. Петрович нервно жевал кончик уса.

– Не снимем аппаратуру, начальник нам головы поснимает.

Справедливо посчитав, что гнев начальника будет страшнее стрекательных клеток физалии, моряки полезли в воду. Досталось всем, багровые шрамы на теле горели огнем, не спасала даже обработка уксусом.

Сколько с «Кайрой» ни возились, а придать ей положительную плавучесть так и не смогли. Три шестерки – это тебе не чих.

Посоветовавшись, решили выбросить катер на мель у мыса Рас-Алоб. И это тоже было непросто, нужно было протаскать его на буксире через язык застывшей лавы с малыми глубинами над ней.

Петрович лично промерил со шлюпки безопасный проход для БГК.

В конце концов после долгих мучений утопленник плотно сидел на мели, а БГК стоял рядом на якоре. Нервно затягиваясь сигаретным дымом, Ильдар Тараканов жалился Петровичу:

– Ни хрена себе на подмену сходил.

Утром подошло гидрографическое судно с начальником экспедиции на борту. Осмотрев МГК-666, приняли решение буксировать его на остров Нокру для ремонта.

Нужно было поторапливаться, ветер усиливался, появились барашки. Под борта катера завели большие пневмокранцы, которые удерживали его на плаву, и в таком виде отбуксировали на Нокру. Там подсобили морпехи, танком вытащили катер на берег.

Геройские действия гидрографов не остались без внимания, наказаны были все.

Додик и Зина

Заканчивался четвертый месяц экспедиционного похода, время нахождения в Красном море перевалило далеко за экватор, и теперь считались дни до возвращения домой. Почему-то, когда хочется ускорить время, оно начинает течь медленней. Накопившаяся усталость давала о себе знать, не помогали даже разгрузочные дни. Опытный командир ситуацию чуял и устраивал их теперь каждую неделю. Но даже купание, рыбалка, сбор ракушек и кораллов стали делом обыденным, чтоб встряхнуть экипаж, требовалась новая сильная эмоция.

Боцманята по случаю за два куска хозяйственного мыла выменяли у местных контрабандистов обезьяну. Можно сказать, высвободили из плена, бедная макака была у тех навряд ли цепной собаки – охраняла товар. Выглядела она ужасно – кровоточащая борозда на шее от веревки, жалкий затравленный взгляд, торчащие ребра и облезлый хвост.

Обезьяну посадили на палубу, вокруг собралась толпа, бедняга, не видевшая от людей ничего хорошего, затравленно озиралась и скалилась. Особый интерес проявил Додик, выросший за это время в крепкого шустрого кобелька, он вытягивал морду и осторожно вдыхал незнакомый запах. Кто-то внес предложение:

– Надо бы кличку ей дать, а то не по-людски как-то.

И это было правильно, обезьяна без клочки – все равно что матрос без боевого номера. Электромеханик Мосеев, выпятив пивной животик, уверенно произнес:

– Зина!

– А почему именно Зина?

– Тещу мою так зовут.

Тут не на шутку возмутился кок:

– Моя теща что, хуже?! Давайте назовем в честь моей! А главное, гляньте – скалится, зараза, так же!

Назревал нешуточный конфликт, зам прекрасно понимал, что претензии к тещам есть у многих, и решил загасить его в зародыше.

– А ну прекратить! Сказано Зина, значит, Зина!

Подумав, все согласились, во-первых, из уважения к мосеевскому горю, а во-вторых, потому что иначе это и не назовешь.

Мосеев выглядел именинником.

Зам внимательно разглядывал трясущееся доходяжное тельце.

– Это что же получается, товарищи? Это же представитель беднейших слоев населения, и мы, как коммунисты, должны оказать эту, как ее, помощь.

Мосеев ехидно уточнил:

– Братскую?

Зам пропустил это мимо ушей.

– К докторше отнесите ее, пустобрехи, вишь, вшивая вся.

Докторша была немолода, но и до климакса еще не дослужилась, находилась она в том возрасте, который принято именовать бальзаковским. Как известно, женщину трудно вогнать в эту пору, а выгнать оттуда просто невозможно, так вот она в этом самом возрасте последние лет десять и находилась.

С личной жизнью были проблемы, и она пошла врачевать на гидрографическое судно, понимая, что то, что на берегу третий сорт, то в море лакшери.

Каждый раз, уходя в экспедиционный поход, она присматривала себе жертву из командного состава и уже через неделю жила почти семейной жизнью, благо помещения амбулатории позволяли.

За Зину она взялась с энтузиазмом, пичкала таблетками и витаминами, а рану на шее жирно мазала каким-то бальзамом. Вообще она животных любила, исключением был только Додик, но это уже было личное. Не могла она поделить с ним второго механика, с которым строила временную семейно-судовую жизнь.

Дело в том, что Додик возмужал и не знал, куда приткнуть свое хозяйство. Сук в прямом и переносном смысле по понятным причинам на судне не было, и он присмотрел себе правую ногу второго механика.

Додик подкарауливал его на юте и, обхватив лапами правую ногу, совершал развратно-поступательные движения. Природа пустоты не терпит.

Докторша по-бабски его ревновала и по этой причине кобелька недолюбливала.

Лекарства, почти материнская забота и всеобщая любовь делали свое дело. Зина расцвела и похорошела. Рана на шее зарубцевалась, оскал стал больше похож на улыбку, а задница налилась и стала похожа на перезревший помидор сорта бычье сердце.

Территорию она изучала осторожно, ненадолго спрыгивая с рук докторши и обратно туда забираясь. Свободно и безбоязненно Зина чувствовала себя только на юте. Любила запрыгнуть на шпиль и наблюдать за происходящим вокруг.

Додик поглядывал на нее с интересом и недоверием и близко не подходил.

Кузьминична переживала, раньше все внимание было Додиду, а теперь все крутятся вокруг этой бесстыжей Зинки. Кузьминична энергично провернула чумичку в лагуне с борщом и зацепила здоровенного мосла с брентюхами и разваренным мясом. Поправив поварской колпак, она вышла из камбуза на шкафут.

– Додик, Додик!

Тот не заставил себя ждать, подбежал, радостно помахивая хвостом, и уткнулся мордой Кузьминичне в коленки. Она бухнула мосол в собачью миску.

– Ешь, родненький, а вам всем вот!

Кузьминична энергично выставила перед собой дулю, видимо, имея в виду всех переметнувшихся к Зине.

Докторша с обезьяной на руках совершала променад по шлюпочной палубе. К ней подошел зам и попытался завести разговор:

– Так это, надо бы ей фруктов побольше, что ли.

Докторша на него и не взглянула.

– Сами разберемся.

Отношения у них были непростые, они все время выясняли, кто из них на судне нужнее. Дебаты, как правило, заканчивались с переменным успехом и всегда с переходом на личности.

– Ууу, дура целлюлитная! – угрожающе прошипел зам в спину гордо удаляющейся докторше, та негромко и беззлобно отправила его в пешее эротическое путешествие.

С каждым днем, преодолевая робость, Додик приближался к Зине ближе и ближе. И вот наконец наступил день, когда он смог подобраться к ней на расстояние вытянутого носа. Зина сидела на палубе, опершись на кнехт, и самозабвенно грызла голову только что пойманной рыбы. Додик осторожно подкрался по ватервейсу и высунул морду из-за кнехта. Зина вздрогнула, бросила рыбу с отгрызанной головой и заскочила на кнехт. Додик акулой кружил вокруг кнехта, поскуливая и пытаясь достать ее лапой, но обезьяна ловко уворачивалась.

После ужина обычно свободные от вахт собираются на юте покурить, потрепаться, забить козла, сыграть в шеш-беш или попытать удачу со спиннингом. Но завидев эту веселую

карусель, занятия свои побросали – ни дать ни взять цирк бесплатный.

Неожиданно Зина прекратила игру и одним прыжком оказалась у собачьей морды. Она своими лапками-ручками тебила уши Додика и что-то, пощелкивая и потрескивая, говорила ему на своем обезьяньем языке. Додик, конечно, ничего не понимал, у него обильно текли слюни, он блаженствовал, ему чудились ангелы.

Видимо, решив, что клиент созрел, старая профурсетка грациозно развернулась, оперлась на локотки и задрала кверху зад, всем своим видом демонстрируя серьезность намерений. Додик, вытянувшись вперед, неестественно растопырив ноздри, похотливо вынюхивал Зинкину задницу, похожую на остывающий после извержения вулкан.

Бедный пес, имевший опыт интимных отношений только с правой ногой второго механика, растерялся. Окружившая их толпа подбадривала:

– Давай, Додик, давай!

Прелюдия затягивалась, тут вмешалась докторша:

– Вот же дураки здоровые! Они же несовместимые, собака – отряд хищников, обезьяна – приматов. Ничего у них получиться не может!

Многоопытный зам тут же возразил:

– Отряды-то разные, а семейство одно – млекопитающие.

И в ультимативной форме потребовал не мешать.

Кузьминична стояла к происходящему спиной и нервно

теребила носовой платок, она переживала за питомца, как переживает мать за сына-неумеху в первую брачную ночь.

В толпе активно комментировали ситуацию.

– Закобелел наш Додик, гляди как за Зинкой ухлестывает!

– Да брось ты, еще сглазишь, опозоримся тогда перед эфипопами.

Но Додик не подкачал, как ни крути – морская косточка! Одним броском он взял начавшую скучать Зину в замок. Громкое дружное «ура!» еще долго сотрясало судно. Наверное, такое же «ура!» несло над волнами при Чесме и Наварине.

Любовь была яркой, но короткой. Окая враспяжку, зам подвел итог:

– Это что ж получается? Это ж интернациональная свадьба, товарищи!

Он не без гордости подумал, что может записать это себе в актив, отразив в отчете.

Кузьминична к произошедшему подошла серьезно, она строила планы на будущее, для верности изучая гороскоп. После длинного и малопонятного текста курсивом был выделен вывод:

«Для того чтобы брак Собаки и Обезьяны был крепким и гармоничным, Собака должна проявить массу терпения к своей не в меру энергичной супруге, стараясь направить ее энергию и природный энтузиазм в нужное русло».

А невеста-то не фонтан, хотя другой все равно нет. Ее мечты бесцеремонно разбил появившийся командир.

– Через четыре дня последний заход в Массая, Зинку-паскуду сдать нашим береговикам!

Строго зыркнул на готовых расплакаться докторшу с

Кузьминичной и добавил:

– И чтоб без этого мне тут! Я ясно выражаюсь?!

Все, конечно, понимали – взять макаку в Союз нельзя, но все равно переживали. Кузьминична, тайком утирая слезы, хоронила свою мечту, неожиданная беда даже примирила на время зама с докторшей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.